

Корпус как инструмент и как идеология

В.А. Плуноян

(plungian@gmail.com)

Современные модели языка демонстрируют отчетливое переключение с «системы» на «узу», с «языка» на «речь». Они посягают на, казалось бы, незыблемый постулат лингвистических теорий, вошедший во все учебники языкознания: на различие между языком и речью и на обязанность лингвистики быть наукой о языке, а не наукой о речи. Это понятное «маятникообразное» развитие науки – тенденция, которая стала особенно отчетливой в последние десятилетия. Можно обозначить следующий список приоритетов, или «идеологических предпочтений», характерных для этого подхода:

- 1) внимание не к слову или предложению, а к тексту, или, как теперь чаще говорят, к **дискурсу** – то есть к реальному инструменту коммуникации в целом, а не к его отдельным фрагментам; тенденция обозначилась еще в 1970-е гг., но сейчас только усилилась
- 2) внимание к **квантитативному** компоненту языка, т.е. учет в первую очередь более частотных (в дискурсе!) элементов по сравнению с менее частотными, и признание квантитативных отношений существенным фактором в языковой эволюции и структуре языковых правил; это особенно характерно для школы Дж. Байби, но проявляется и у многих других исследователей; элементы этого подхода мы находим ещё у Гринберга в 1960-е гг. (с его теорией маркированности) и др., но они были периферийны.
- 3) внимание к **синхронной вариативности** языка, т.е. признание того факта, что не существует единой жесткой системы средств выражения смысла, а существуют различные ее реализации, в том числе зависящие от психологических, биологических и социальных факторов, но не только; эта тенденция также обозначилась еще в середине XX в. с возникновением социолингвистики и др. дисциплин этого круга.
- 4) внимание к **диахронической вариативности** языка, т.е. признание того факта, что язык постоянно изменяется во времени и полностью отвлечься от этой нестабильности невозможно, что в каждый момент времени в языке сосуществуют «прогрессивные» и «консервативные» участки; идея тоже далеко не новая (и в отечественной традиции всегда популярная).
- 5) изменение отношения к понятию языковой нормы и языковой правильности: возобладало, так сказать, более толерантное; граница

между «ошибкой» и «маргинальным вариантом», а также между маргинальным вариантом и полноценным (а впоследствии, может быть, единственным) вариантом признается гораздо более подвижным и зыбким (NB пример из текста Г. Трошева: *Любители исторических параллелей и аналогий* – простая орфографическая ошибка или маргинальный морфологический вариант?)

Все эти идеологические установки в современных работах чаще всего объединяются под названием «подход, ориентированный на узус» или «теория узуса» (англ. *usage-based approach*). Теория узуса стремится поставить в центр изучения и теоретического анализа непосредственно дискурсивную практику; несколько утрируя, ее положения можно сформулировать так: не существует «языка вообще», а существуют структуры, которые преобладают в определенных типах дискурса (у разных говорящих, в разные моменты времени и т.п.); их и надо изучать.

Сторонникам системного подхода, вообще говоря, достаточно собственной интуиции носителя: если вариативность не важна, то чем авторлингвист хуже других носителей языка? Сторонникам «теории узуса» крайне важна эмпирическая база, т.е. представительная совокупность текстов на данном языке – иными словами, *корпус*.

Из сказанного понятно, что корпусы – это не просто дань техническому прогрессу или появление более удобного инструмента для исследований; это знак новой *идеологии* изучения языка, при которой язык – это, вообще говоря, и есть корпус, как бы вызываяще это ни звучало по отношению к предшествующей теоретической традиции.

Просто раньше в нашем распоряжении действительно не было технических средств, позволяющих получить быстрый и эффективный доступ к корпусу, а сейчас они появились. И только сейчас стало по-настоящему понятно, насколько за предыдущие десятилетия лингвистика успела оторваться от своего главного объекта – текстов, насколько многие утверждения, сделанные в рамках разных теорий, не подтверждаются фактами корпуса.

Интересным образом, этот подход во многом смыкается с традиционной «деструктуралистской» филологией, хотя, конечно, не повторяет ее – но современная лингвистика вообще во многом вернулась к тому, что говорилось в XIX веке, а потом было забыто или отброшено. Можно вспомнить классическую филологию, всегда имплицитно считавшую, что, например, классический латинский язык – это просто корпус текстов классического периода; или предложенное А.А. Зализняком «корпусное» описание языка берестяных грамот. Но к этой парадигме относятся далеко не только исследования мёртвых языков – например, существует давняя филологическая традиция исследования «языка писателей», сводящаяся фактически к изучению корпуса произведений одного автора, причём с типичной корпусной идеологией, когда всё, что представлено в корпусе, равно заслуживает внимания. Такой подход безусловно имеет право на

существование; более того, теперь мы убедились в его жизнеспособности и, можно сказать, наблюдаем его возрождение.

С другой стороны, то, что в наибольшей степени отличает корпусной подход от традиционного филологического – это принципиальная «нелитературоцентричность» первого. Роль текстов, представляющих художественную литературу, в корпусе достаточно велика, но всё же эти тексты для очень многих задач не являются центральными. Сказанное в особенности относится к современной постмодернистской художественной литературе, потерявшей как общественную значимость, так и установку на языковую нормативность (взамен она приобрела установку на языковую игру, на извлечение художественного эффекта из многообразных нарушений нормы): это экспериментальные тексты, а не образцы доминирующего в данном социуме дискурса.

Таким образом, важно осознавать, что корпус – это не просто новый и мощный инструмент: за использованием корпуса стоит определенная идеология. Ее можно назвать «антиструктуралистской» и «функционально-когнитивной». Эта идеология возникла в современной лингвистике, может быть, и независимо от корпусных исследований, но их глубокое внутреннее родство очевидно.